

F. Thordarson. Ossetic grammatical studies. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009. 255 p. (Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse. Bd. 788. Veröffentlichungen zur Iranistik. Nr. 48)*

1. Введение

В предисловии к сборнику своих статей «Осетинский язык и фольклор» В.И. Абаев писал в 1949 году: «Старые работы А. Шегрена и В. Миллера, не говоря уже о том, что они стали библиографической редкостью, сильно устарели, а новейшая литература, вообще довольно значительная, мало доступна в силу ее разбросанности» [Абаев 1949: 3]. Эта фраза, увы, вполне применима и к сегодняшнему состоянию осетиноведения, с той лишь поправкой, что список ставших библиографической редкостью и устаревших работ можно бы теперь пополнить.

По-видимому, «Исследования осетинской грамматики» составлялись именно с целью изменить это прискорбное положение дел, поэтому значительная часть книги – это изложение уже опубликованного, в том числе самим автором, одним из крупнейших на Западе знатоков осетинского языка, Фридрихом Тордарсоном (1928–2005) (см. библиографию его работ на сайте проекта «Титус» <http://titus.uni-frankfurt.de/personal/galeria/thordbib.htm>).

* Я признателен П.Б. Лурье за замечания к предварительному варианту этой рецензии.

Работа над книгой продолжалась много лет, но она, к сожалению, так и осталась незавершенной. Черновики к ней были обнаружены посмертно вдовой ученого в его архиве. Их свела воедино и подготовила к печати Соня Гипперт-Фритц.

Книга включает как синхронное описание некоторых разделов осетинской грамматики, так и сравнительно-исторические и ареально-типологические соображения. Отдельные примеры снабжены глоссами – отрадное отступление от герметических традиций «классического» языковедения.

Несмотря на то, что материал монографии в значительной степени не нов, по тексту рассыпано немало ранее не опубликованных тонких наблюдений, подкрепленных солидным фактическим материалом, а также интересных догадок. Это делает ее очень интересным чтением для осетиноведов и специалистов по кавказской ареальной лингвистике.

2. Обзор содержания

Глава 1 является кратким историческим введением. Стоит отметить, что новейший подробный обзор и анализ исторических источников

содержится в капитальном труде [Alemany 2000], ссылки на который в списке литературы нет.

Глава 2, «Диалекты», обсуждает различия между иронским и дигорским осетинским¹.

Я не могу согласиться с рядом соображений, высказанных в этой главе. Во-первых, мне непонятно утверждение «просодические признаки в принципе одинаковы в обоих диалектах» (раздел 2.6.2). Ударение в иронском и дигорском устроено по-разному (см. новейшее описание и сравнение в [Cheung 2002: 119–121; 2008: 163–171]), в частности, неочевидно, что его акустические корреляты имеют одинаковую природу. Просодическая фонология обоих идиомов малоизучена (единственное исследование «интонации» в иронском – это работа Абасва 1939 г., перепечатанная в [Абаев 1949: 529–560]). Далес в том же разделе Тордарсон пишет: «Эта просодическая система, очевидно, является инновацией, которую мы, несомненно, имеем право приписать влиянию соседних северокавказских языков». Как отмечает Чёнг [Cheung 1999: 291], возражая против работы [Thordarson 1990], где были высказаны сходные соображения, просодические системы соседних северокавказских языков изучены весьма умеренно и утверждать что-либо об их влиянии можно лишь с большой осторожностью.

Во-вторых, в разделе 2.8.7 говорится, что «следы тмесиса глагола и преверба по-прежнему наблюдаются в дигорском, но не в иронском». Во-первых, тмесис клитиками по-прежнему вполне продуктивен в дигорском, так что говорить тут о «следах» несколько неточно, во-вторых, если к превербу присоединен имперфективизирующий / конативный аффикс *-sɛj-*, то тмесис возможен и в иронском:

(1) а. дигорский

ba=jin=ibɛl

PREV=DAT.3SG=SUPERESS.3SG

ɛftaw-ɐ

добавлять-IMP.2SG

‘Добавь ему к этому’ (мои полевые материалы).

б. иронский

fɛ-sɛj=jɛ

mard-ta

PREV-IPF=ACC.3SG

убить.PST-TR.PST.3SG

‘Чуть его не убила’ (пер. Х. Ардасенова поэмы К. Хетагурова «Фатима»²).

¹ 2.1. Два отдельных диалекта; 2.2. Спряжение глагола ‘быть’; 2.3. Словарь и фразеология; 2.4. Лексические дублиеты; 2.5. Аномальные изменения в фонетике; 2.6. Фонетические инновации; 2.7. Однородный праязык; 2.8. Отношения между дигорским и иронским.

² Изначально эта поэма была написана по-русски.

В-третьих, в том же разделе 2.8.7 говорится: «При развитии диалектов мы имеем дело с распространением инноваций из фокусной области в более дальние регионы. Кажется естественным определить место этой области на востоке на Владикавказской равнине, около берегов Терека или в их окрестностях».

Однако нынешнее расселение осетин – результат очень поздних переселений: с разгрома аланского государства войсками Тимура в XIII веке и до конца XVIII века осетины Северной Осетии жили в нескольких горных ущельях, а не на равнине. Активное переселение с гор на примыкающую с севера равнину началось лишь в XIX веке (а в Закавказье значительно раньше). Про распространение инноваций (да и про диалектное членение, как отмечает сам Тордарсон в разделе 2.7) в домонгольский период судить совершенно невозможно. Единственная известная общая инновация в иронском и дигорском, произошедшая в послемонгольское время, между XIII и XVII вв., – это переход *a > o* перед носовыми. В записанном в Венгрии в 1422 г. ясском глоссарии присутствует еще *dan* ‘вода’ и *ban* ‘день’, а ясы переселились в Венгрию в первой трети XIII в., в то время как в словнике Дрешера-Витсена (1688 г.), о котором см. ниже в этой рецензии, уже *don* ‘вода’ и *fonz* ‘пять’ [Камболов 2006: 296–300]. Как заметил П.Б. Лурье (л. с.), этот процесс был, возможно, продуктивен еще в конце XVIII в.: ос. *bulk'on / bolk'on* ‘полковник’, по всей видимости, является фонетически адаптированным русским *полкан*.

Процессов, общих для дигорского и иронского, которые шли бы уже после возвращения осетин на равнину в XIX веке, насколько мне известно, нет. Фонетические инновации сев.-ос. иронских говоров (а именно, переходы *s > š*, *z > ž*, *ʒ > z*, а также, в большинстве позиций, *c > s*), каковы бы ни были пути их распространения по Северной Осетии, не перешли на ю.-ос. говоры, см. описание иронских говоров в [Бекоев 1985] и специально про чисанский говор (на фонетику которого фактически ориентируется Тордарсон) в [Дзицойты 2008].

Не учитывающая этих изменений современная осетинская орфография, транслитерация которой используется в рецензируемой книге, уже давно не совпадает с реальным произношением. Например, «стандартные иронские» *sæuin* и *zurinc* (раздел 2.8.3), фактически произносятся в большинстве сев.-ос. ир. говоров *sæwup* и *zurync*, см. описание в [Дзахова 2009: 170–177].

В главе 3 обсуждаются языковые контакты: 3.1. Протодиалект; 3.2. Лексическое взаимодействие: 3.2.1. Осетинский, нахские и сванский; 3.2.2. Осетинский и нахские; 3.2.3. Осетин-

ский и тюркские; 3.2.4. Осетинский и абхазо-адыгские; 3.2.5. Осетинский и картвельские; 3.3. Кальки; 3.4. Свойства грамматики: 3.4.1. Глоттализированные и увулярные согласные; 3.4.2. Двадцатиричная система; 3.4.3. Система провербов; 3.4.4. Деепричастие; 3.5. Образование глаголов; 3.6. Консервативные и инновационные черты.

Анализ иноязычной лексики в осетинском языке (разделы 3.2.1–3.2.5) в значительной мере опирается на работы В.И. Абаева и Р. Бильмейера, однако из рассмотрения тюркских заимствований Тордарсон делает важный вывод: контакты прото-осетинского с тюркскими языками начались очень давно и были весьма интенсивны. Это подтверждается следующими фактами: несомненно тюркское происхождение имеют, во-первых, одно из слов «базового лексикона» *čyžg/kizgʷ < qyz* 'девушка, девушка, дочь' [Абаев 1958: 614], во-вторых, единственное заимствованное слово, не являющееся существительным *kʷerʷzi/kʷerʷzej < qar(ə)* *šə* 'друг друга' [Абаев 1958: 581], причем в обоих этих словах *q* передано через *k*, т. е. увулярного *q* в осетинском языке во время заимствования еще не было. Кроме того, весьма ранним заимствованием должно быть *duw/dow* 'скачки' < *jov* 'погребальный обряд', см. [Абаев 1958: 373]. Это слово должно было быть взято из языка, где *j* перешло в *d'* (иначе оно было бы усвоено как *j* или, в случае языка-донора с переходом *j* в *ž*, как *ž*, поскольку возникновение в осетинском языке *ž* – явление, по-видимому, достаточно позднее. Поскольку в тюркских языках, сосуществующих ныне с осетинским языком, перехода *j > d'* нет, и это заимствование должно быть достаточно ранним, подробности см. в цитируемом месте работы Абаева. Надо, впрочем, оговориться, что и для *kʷerʷzi/kʷerʷzej* и для *duw/dow* возможны альтернативные этимологии (для первого – монгольская, а для второго – абхазо-адыгская)³.

Поэтому естественно предполагать тюркское влияние и на осетинскую грамматику. Это часто упускают из виду, рассуждая о «несомненном кавказском влиянии» на то или иное свойство осетинского языка. Однако конкретных примеров того, что с уверенностью можно было приписать тюркскому влиянию, в рецензируемой книге (и, насколько мне известно, в осетиноведческой литературе вообще) нет.

В принципе, в осетинском языке можно найти немало черт, типологически сближающих его с тюркскими языками (преимущественно агглютинативная морфология, структура имен-

ной группы, немаркированный порядок слов в простом предложении и многое другое). Одной из таких черт является достаточно интенсивное использование конвербов. В разделе 3.4.4 Тордарсон описывает некоторые употребления конвербов в современном осетинском языке (надо заметить, что это сделано значительно более подробно в неопубликованной диссертации [Медоева 1969]) и обсуждает, не могут ли эти употребления быть результатом каких-либо внешних влияний. Он отмечает некоторые сходства в этом отношении между осетинским языком и другими языками Северного Кавказа, однако обращает внимание и на то, что различные конструкции с конвербами возникали и во многих иранских языках. Добавлю, что иногда эти употребления разительно сходны с осетинскими, притом что сами формы конвербов не когнатны и о прямом контакте между языками не может идти речи:

- (2) а. иронский осетинский
wyj-imʷ=dyn *cʷer-gʷ-j*
 он-COMIT=2SG.DAT жить-CONV-ABL
 и
 COP.PRS.3SG
 'Тебе с ним суждено жить' [Медоева 1969: 39].
 б. северо-западный диалект белуджского, Пакистан
manā *raw-ag-ī* *int*
 я.OBJ идти.PR-INF-GERV COP.PRS.3SG
 'Я должен идти' [Jahani, Korn 2009: 677].

Таким образом, исследовать ареальные влияния на осетинские конвербы весьма не просто: есть много потенциальных источников влияния и трудно исключить возможность внутреннего развития.

Несколько примеров других таких сложных случаев приводятся и в центральной для этой книги главе 4, «Именная группа в осетинском»⁴.

- ⁴4.1. Простое предложение; 4.2. Классы имен; 4.3. Сложные именные группы; 4.4. Перестановка вершины и модификатора; 4.5. Сложные существительные: 4.5.1. *Tatpīṛuṣa* и *baḥuvrīhi*; 4.5.2. Семантические изменения; 4.5.3. Внутренний порядок; 4.5.4. *Baḥuvrīhi* с обратным порядком; 4.6. Мена гласных в сложных существительных; 4.7. Постмодификация; 4.8. Определенность; 4.9. Притяжательный датив; 4.10. Групповая флексия; 4.11. Премодификация; 4.12. Склонения; 4.13. Словоизменение существительных: 4.13.1. Агглютинация; 4.13.2. Порядок элементов; 4.13.3. Число; 4.13.4. Падеж; 4.13.4.1. Падежная система; 4.13.4.2. Номинатив; 4.13.4.3. Генитив;

³ Я признателен А.В. Дыбо и О.А. Мудраку, обратившим мое внимание на это обстоятельство.

В разделах про падежи приводятся как их основные функции, так и соображения о происхождении соответствующих суффиксов. Этимологии падежных показателей уже публиковались Тордарсоном в его очерке осетинского языка [Thordarson 1989] в *Compendium linguarum Iranicarum* [Schmitt 1989], а содержащееся в пункте 4.6.2 соображение о связи перехода *a > v* с (историческим) расположением ударения в следующем слоге – в [Thordarson 1990]. Достаточно убедительные соображения против такого анализа см. в работах [Cheung 1999: 289; 2002: 121]. Некоторые из предложенных Тордарсоном этимологий оспариваются в работах Тестена, Кима и Чёнга [Testen 1996; Kim 2003; Cheung 2008].

Функции падежей, о которых говорится в 4.13.4.2–4.13.4.8, более полно описаны в стандартных грамматиках осетинского языка [Абаев 1970; Ахвледиани 1963/1969; Исаев 1966]. Повторю однако, что ценность работы Тордарсона состоит, на мой взгляд, в содержащихся в ней идеях, а не в излагаемых сведениях.

В разделе 4.13.4.3.7 впервые в осетиноведении сделана попытка систематически изучить дифференциальное маркирование объекта в осетинском.

Очень важными представляются выводы, сделанные в разделе 4.13.9: во-первых, изменения в падежной системе могли начаться еще до всяких контактов с кавказскими языками, и, во-вторых, сходства между падежными системами в целом у осетинского языка и какого-либо из соседних языков нет.

Обсуждение именной группы в осетинском языке продолжается в главе 5, «Местоимения»⁵. В этой главе приводятся парадигмы местоимений и обсуждаются их этимологии.

В разделе 5.5 описывается нетривиальная параллель между карачаево-балкарским и осетинским языком: в обоих языках наличествует двучленный дейксис, т. е. система указательных местоимений различает лишь две степени удаления (раздел 5.5). Этим осетинский язык и карачаево-балкарский выделяются из род-

ственных им, соответственно, восточноиранских⁶ и тюркских языков, дейксис в которых обычно более богат.

Сам Тордарсон сравнивает карачаево-балкарский только с ногойским, кумыкским и турецким. Я дополнительно проверил это утверждение для башкирского, гагаузского, казахского, караимского, североалтайских диалектов куманды-кижи и куу-кижи, саларского, сарыг-югурского, татарского, тувинского, узбекского, чувашского, хакасского, халаджского и якутского языков. В описаниях всех этих языков, кроме халаджского [Doerfer 1988: 183], упоминаются системы дейктиков из более чем двух элементов, так что вывод о внешнем влиянии на карачаево-балкарский выглядит весьма убедительно. Однако следует добавить, что из описаний не всегда удается понять, в чем именно заключаются различия в семантике между дейктиками из «больших» систем.

Утверждение Тордарсона, что во всех соседних кавказских языках дейксис также более богат, неверно: в сванском, мегрельском и лазском он двучленный [Кипшидзе 1914: 42; Ростовцев-Понель 2009: 23; Tuite 1997: 19; Lacroix 2009: 143] (а также в убыхском [Charachidzé 1989: 379]). Таким образом, двучленный дейксис – изоглосса в географически связанном ареале из осетинского языка, карачаево-балкарского и сванского (занские языки и убыхский в него не попадают).

В разделе 5.8 предлагается остроумное объяснение того, почему совпадают формы номинатива и аккузатива-генитива у местоимений 1PL, 2PL и (в иронском) 3SG, 3PL, причем для первого и второго лица они заведомо восходят к генитивным формам. Гипотеза Тордарсона состоит в том, что это суть пережитки эргативной конструкции, которая реализовывалась в протоосетинском, как и в ряде других иранских языков [Haig 2008: 93], в виде сочетания посессора-агенса с причастием прошедшего времени. Затем генитивные формы местоимений, кодировавшие агенса в прошедшем времени, оказались переосмыслены как номинативные.

На мой взгляд, эта гипотеза встречает несколько трудностей: во-первых, она не объясняет, почему тот же процесс не произошел с местоимениями 1 и 2 лица единственного числа, а также с разнообразными неличными местоимениями. Во-вторых, никаких других убедительных свидетельств того, что в осетинском языке когда-либо бытовала эргативная конструкция, нет. В-третьих, необъяснимая

⁶ Трехчленный дейксис в согдийском систематически исследован в [Sims-Williams 1994]. Двучленный дейксис, помимо осетинского, присутствует в ягнобском и язгулямском.

4.13.4.4. Датив; 4.13.4.5. Локативные падежи; 4.13.4.5.1. Инессив; 4.13.4.5.2. Аллатив; 4.13.4.6. Аблатив(-инструменталис); 4.13.4.7. Комитатив; 4.13.4.8. Экватив; 4.13.4.9. Заключение; 4.14. Предлоги и послелоги; 4.15. Заключение.

⁵ 5.1. Личные местоимения: 5.1.1. Ударные личные местоимения; 5.1.2. Энклитические личные местоимения; 5.2. Рефлексивы; 5.3. Притяжательные местоимения; 5.4. Реципроки; 5.5. Указательные местоимения; 5.6. Вопросительные местоимения; 5.7. Неопределенные местоимения и наречия; 5.8. Выводы.

замена номинативной формы на генитивную произошла и с ир. *či* 'кто.ном', которое регулярно соответствует диг. *ke* 'кто.овл' (а 'кто.ном' в дигорском *ka*).

В главе 6 кратко описываются все три известных на начало 1990-х годов аланских памятника: Зеленчукская надпись (X–XII вв.), строки в сочинении Иоанна Цеца (Византия, XII в.) и «ясский глоссарий» (XV в.), и отмечается, что из падежных форм в этих памятниках встречаются только номинатив и генитив. Надо добавить, что с тех пор был обнаружен еще один памятник – аланские маргиналии к греческому лексикону XIII века, см. [Engberg, Lubotsky 2003; Камболов 2006: 202–207].

В главе 7, «Эпилог», обсуждаются социальные факторы, которые в прошлом могли бы вызывать контактные влияния на осетинский язык: 7.1. Двухязычие; 7.2. Социальные факторы; 7.3. Смешанные браки; 7.4. Институт аталычества; 7.5. Кровная месть; 7.6. Многоязычие; 7.7. Заключительные замечания.

Завершают основной текст книги библиография, некоторые названия в которую добавлены С. Фритц, и указатели: А. Слова из индоиранских языков. Слова из прочих индоевропейских языков. Слова из других языков; В. Цитаты из текстов; С. Лингвистические термины; D. Прочие термины.

В конце книги приложена короткая (все-го в две страницы) заметка «Zur ossetisch-scherkessischen Wörterliste bei Witsen» (Об осетино-черкесском списке слов у Витсена). В ней разбирается, какие из слов в списке Дрешера-Витсена являются осетинскими (этот список был составлен в 1688 г. Дрешером, придворным врачом имеретинского царя Арчила, и издан в Амстердаме в 1705 г. Николасом Витсеном в его книге «Noord en Oost Tartarye»). Надо заметить, что подобное исследование уже было проделано (и притом с большей подробностью) в [Лавров 1957; Сикоев 1958; Камболов 2006].

3. Заключение

С того момента, как Тордарсон прекратил работу над рукописью (судя по ссылкам в списке литературы, это произошло в 1994 или 1995 г.), вышло несколько важных исследований по осетинскому языку. Мне кажется уместным, по крайней мере, упомянуть их в этой рецензии. Я перечислю их тут в хронологическом порядке. Исследование [Cheung 2002] про осетинскую историческую фонологию включает в себя, кроме того, ряд новых этимологий. Вышел дигорско-русский словарь с кратким очерком дигорской фонетики и морфологии [Таказов 2003] – в работе Тордарсона как источник по дигорской лексике использовался еще словарь Миллера и Фреймана [Миллер, Фрей-

ман 1927–1934], включающий и дигорские, и иронские материалы. Современная социолингвистическая ситуация в Северной Осетии изучается в [Камболов 2007]. Число проблем, охваченных в этих работах, столь велико, что они не могут быть тут рассмотрены.

К сожалению, в рецензируемой книге нет разделов, касающихся глагола, а также синтаксиса (за пределами именной группы). Написать современную и полную грамматику осетинского, систематизировать результаты сравнительно-исторических штудий и предпринять всеобъемлющее исследование осетинского языка в ареально-типологическом плане – задачи, по-прежнему нерешенные. Книга Тордарсона послужит огромным подспорьем тем лингвистам, которые за них примутся. Нельзя не быть признательным Соне Гипперт-Фритц за проделанную ей работу по подготовке ее к печати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1949 – В.И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.
- Абаев 1958 – В.И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. Л., 1958.
- Ахвледиани 1963/1969 – Г.С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. 1. Орджоникидзе, 1963; Т. 2. 1969.
- Бекоев 1985 – Д.И. Бекоев. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвали, 1985.
- Дзахова 2009 – В.Т. Дзахова. Фонетические характеристики фонологической системы современного осетинского (иронского) литературного языка. Владикавказ, 2009.
- Дзицойты 2008 – Ю. Дзицойты. Чысайнаг ныхасыздæхты цыбыр афыст [Очерк чисанского говора осетинского языка]. Цхинвал, 2008.
- Исаев 1966 – М.И. Исаев. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966.
- Камболов 2006 – Т.Т. Камболов. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.
- Камболов 2007 – Т.Т. Камболов. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии. История, современность, перспективы. Владикавказ, 2007.
- Кипшидзе 1914 – И. Кипшидзе. Грамматика мингрельского (иверского) языка. СПб., 1914.
- Лавров 1957 – Л.И. Лавров. Памятник осетинского и кабардинского языков XVII века // Известия ЮОНИИ. 1957. Вып. 9.
- Медоева 1969 – Б.Г. Медоева. Деепричастие и деепричастные конструкции в осетинском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Цхинвали, 1969.

- Миллер, Фрейман 1927–1934 – В.Ф. Миллер. Осетинско-русско-немецкий словарь / Под ред. и с доп. А.А. Фреймана. Т. 1–3. Л., 1927–1934.
- Ростовцев-Попель 2009 – А.А. Ростовцев-Попель. Типология демонстративов: средние дейктики // ВЯ. 2009. № 2.
- Сикоев 1958 – Р.Р. Сикоев. Об осетинском словнике Николаса Виттена // Известия ЮОНИИ. 1958. Вып. 9.
- Таказов 2003 – Ф.М. Таказов. Дигорско-русский словарь. Владикавказ, 2003.
- Alemaný 2000 – A. Alemaný. Sources on the Alans: a critical compilation. Leiden; Boston, 2000.
- Charachidzé 1989 – G. Charachidzé. Oubykh // B.G. Hewitt (ed.). The indigenous languages of the Caucasus. V. 2. North West Caucasus. Delmar (NY), 1989.
- Cheung 1999 – J. Cheung. Some remarks on the history of the Ossetic accent // H. van der Berg (ed.). Studies in Caucasian linguistics: selected papers of the Eighth Caucasian colloquium. Leiden, 1999.
- Cheung 2002 – J. Cheung. Studies in the historical development of the Ossetic vocalism. Wiesbaden, 2002.
- Cheung 2008 – J. Cheung. The Ossetic case system revisited // Evidence and counter-evidence. Festschrift Frederik Kortland. V. 1. Amsterdam; New York, 2008.
- Doerfer 1988 – G. Doerfer. Grammatik des Chaladsch. Wiesbaden, 1988.
- Engberg, Lubotsky 2003 – S. Engberg, A. Lubotsky. Alanic marginal notes in a Byzantine manuscript: a preliminary report // Nartamongae: the journal of Alano-Ossetic studies. 2. 2003.
- Haig 2008 – G. Haig. Alignment change in Iranian languages. A construction grammar approach. Berlin; New York, 2008.
- Jahani, Korn 2009 – K. Jahani, A. Korn. Balochi // G. Windfuhr (ed.). The Iranian languages. London, 2009.
- Kim 2003 – R. Kim. On the historical phonology of Ossetic: The origin of the oblique case suffix // Journal of the American oriental society. 123.1. 2003.
- Lacroix 2009 – R. Lacroix. Description du dialecte laze d'Arhavi (caucasique du sud, Turquie). Grammaire et textes. Thèse de doctorat. Lyon, 2009.
- Sims-Williams 1994 – N. Sims-Williams. The triple system of deixis in Sogdian // Transactions of the philological society. V. 92. Issue 1. 1994.
- Schmitt 1989 – R. Schmitt (ed.). Compendium linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989.
- Testen 1996 – D. Testen. On the development of the clitic pronominals in Ossetian // H.I. Aronson (ed.). NSL 8: Linguistic studies in the non-Slavic languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic republics. Chicago, 1996.
- Thordarson 1989 – F. Thordarson. Ossetic // R. Schmitt (ed.). Compendium linguarum Iranicarum. Wiesbaden, 1989.
- Thordarson 1990 – F. Thordarson. Old Ossetic accentuation // Iranica Varia: Papers in honor of professor Ehsan Yarshater. Leiden, 1990.
- Tuite 1997 – K. Tuite. Svan. München; Newcastle, 1997.

Д.А. Эршлер